ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. В. Кинсбурский

Социальное недовольство и общественное поведение

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Soc_nedovolstvo_Kinsbursky.pdf

Перепечатка с сайта Института социологии РАН http://www.isras.ru/

URL:http://www.civisbook.ru

А.В. Кинсбурский

СОЦИАЛЬНОЕ НЕДОВОЛЬСТВО И ДВЕ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

1. Показатели социального недовольства[1]

Можно предположить, что после 1991 г. природа социального недовольства – массовой неудовлетворенности людей социальными (в широком смысле слова) условиями жизни – претерпела существенные, принципиальные изменения. Если в годы перестройки невиданный в советское время подъем общественно-политической активности, прежде всего интеллигенции в крупных городах, основывался главным образом на недовольстве политикой и идеологией коммунистической партии и советского государства, то с началом либеральных, рыночных реформ сама логика общественной жизни (необходимость физического выживания для абсолютного большинства) вынесла на передний план *экономические основания социальной неудовлетворенности*. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты репрезентативных всероссийских опросов, проведенных Службой VP.

Основные ответы на открытый вопрос *«В чем состоят главные отрицательные перемены за прошедшие 5 лет?»* (апрель 1996 г.) распределились следующим образом: *в экономике – 58%* (дороговизна жизни, безработица, задержки с выплатами пенсий, зарплат, спад производства); *во внутренней политике* – 33% (разгул преступности и

[1] Систематические социологические исследования показателей социального недовольства и готовности людей участвовать в массовых акциях протеста стали проводиться в постсоветской России с начала 90-х гг. Состояние и динамику этих показателей в количественном и качественном отношении можно оценить, строго говоря, на протяжении лишь последних десяти лет, что не позволяет, к сожалению, корректно сравнивать положение дел до и после 1991 г., когда в обществе произошел качественный перелом. Одной из первых – уже с начала 1992 г. – такие исследования во всероссийском масштабе стала проводить Служба изучения общественного мнения Vox Populi (Служба VP). Однако более длительные и детализированные динамические ряды (практически ежемесячные замеры показателей социального недовольства с начала

коррупции, война в Чечне, развал государства, безвластие); *в социальных отношениях* – 12% (нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне, резкая социальная дифференциация, падение нравов); все стало хуже – 3%; затруднились ответить – 11%.

Для сравнения покажем распределение ответов, полученное в сентябре-октябре 1998 г. на закрытый вопрос об отрицательных последствиях рыночных реформ: появилась безработица и начались невыплаты зарплаты – 41%, увеличился разрыв между бедными и богатыми – 17, повысились цены – 16, ухудшилось состояние здравоохранения и социального обеспечения – 9? появился культ денег – 5, слабее стала охрана общественного порядка – 3, другие ответы – 7, затруднились ответить – 2%.

Если высказанное отношение к отрицательным последствиям и переменам дает, скорее, фрагментарную информацию по поводу оснований социального недовольства, то относительно интегрированное и более личностное по содержанию мнение на этот счет можно найти в самооценках материального положения респондентов – как текущего, так и перспективного.

По данным Службы VP, в июле 1995 г. на вопрос «*Как бы вы охарактеризовали нынешнее материальное положение вашей семьи*?» люди ответили, что: живут в достатке, ни в чем себе не отказывая – 3%; живут неплохо, хотя для этого приходится тратить очень много сил – 37; с трудом сводят концы с концами – 52; живут вовсе бедственно, недоедают – 8%. А на вопрос «*Каких изменений Вы ожидаете в материальном положении Вашей семьи к концу этого года?» высказались таким образом:* к лучшему – 8%, к худшему – 35, никаких изменений не ожидают – 49, затруднились ответить – 8%.

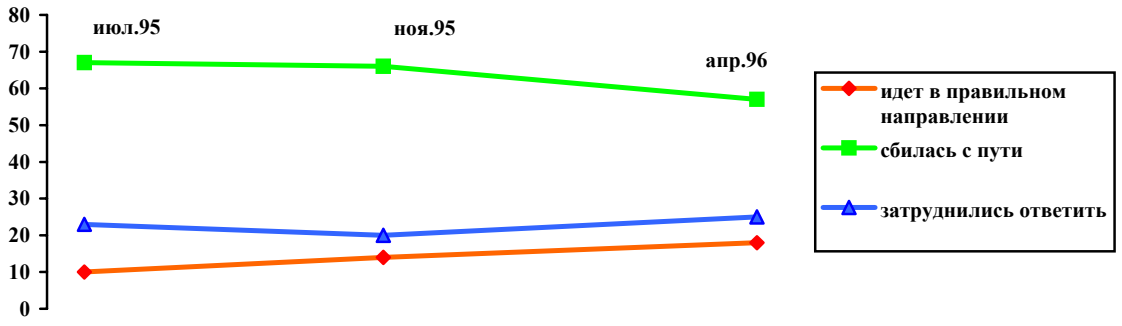
Более половины респондентов (51%) считали, что в материальном плане живут плохо, трудно и вместе с тем не ожидают перемен к лучшему. В принципе это, на наш взгляд, свидетельство достаточно высокого уровня социального недовольства.

Известно, что недовольство материальными, экономическими условиями личной/семейной жизни может проецироваться на оценки ситуации в обществе в целом

1993 г.) содержатся в изданиях Всероссийского центра изучения общественного мнения

(рис. 1). Несмотря на некоторую динамику показателей, нельзя не заметить, что недовольные курсом развития страны («сбилась с пути») составляли в середине 90-х гг. абсолютное большинство. В принципе аналогичная картина сохранилась до конца 90-х гг., т.е. на протяжении всего «ельцинского» периода в истории постсоветской России. С приходом нового президента, судя по опубликованным результатам массовых опросов, в общественном мнении наметился в целом перелом к лучшему, хотя насколько устойчивой будет эта тенденция – покажет ближайшее будущее.

Рис. 1. **Динамика ответов на вопрос** *«Идет ли сейчас Россия в целом в правильном направлении или она сбилась с пути?»*



Иногда высказывается мнение, что еще одним важным основанием социального недовольства в постсоветской России (помимо неудовлетворенности личным материальным, экономическим положением и курсом общественного развития) служит несправедливое распределение собственности, породившее сильное имущественное неравенство. Но в июне 1996 г. более половины (56%) согласились с тем, что «неограниченная возможность каждому зарабатывать столько, сколько он может, хотя это ведет к большим различиям в доходах» лучше, чем «распределение государством всех производимых благ примерно поровну, чтобы в обществе не возникало социального неравенства». Противоположного мнения придерживались всего 29%, остальные 15% затруднились ответить.

Итак, *вклад идеологических и политических факторов в формирование относительно высокого уровня социального недовольства в целом был невелик и*

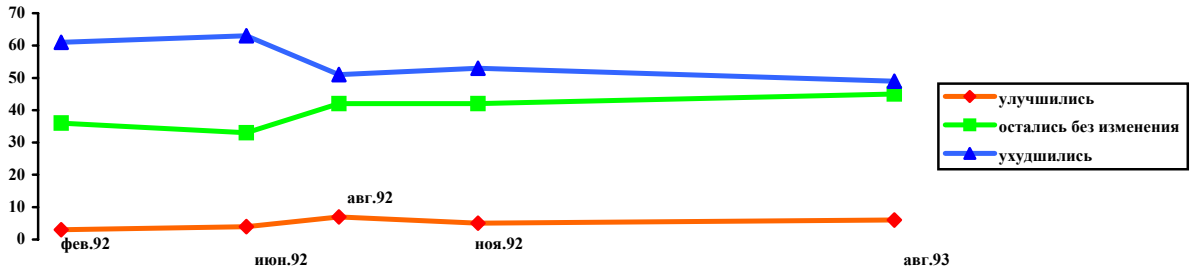
(ВЦИОМ), а также в публикациях ряда других социологических организаций.

значительно уступал по силе факторам экономического, материального порядка. В этом, на наш взгляд, состоит принципиальное отличие социального недовольства, возникшего после 1991 г., от социальной неудовлетворенности в поздний советский период (1985–1991).

2. Динамика социального недовольства и протестного потенциала

Опросы Службы VP позволяют зафиксировать динамику социального недовольства на первом этапе проведения рыночных реформ (1992–1993). Представление о ней дает, например, такой показатель, как самооценка респондентами изменений, происшедших в условиях их жизни, прежде всего материальных, экономических (рис. 2).

Рис. 2. Динамика ответов на вопрос «*Как изменились условия Вашей жизни за последние несколько месяцев?*»



Как видно, пик социального недовольства приходился на первую половину 1992 г., что легко объяснимо началом либеральных реформ, прежде всего «отпуском» цен и галопирующей инфляцией. Главные проблемы, волновавшие тогда большинство, сводились к дороговизне жизни и недостаточным, постоянно отстававшим от роста цен доходам. Со второй половины 1992 г. уровень недовольства стал постепенно спадать и к середине следующего, 1993 г. достиг «паритетного» значения – число относительно довольных и недовольных изменениями в условиях жизни примерно сравнялось.

Первый вывод, который напрашивается в результате анализа достаточно длинных динамических рядов показателей социального недовольства, состоит в том, что их значения *относительно стабильны*, они изменяются в определенных, иногда

довольно узких пределах. Во второй половине 90-х гг. соотношение позитивных и негативных оценок респондентами материального положения своих семей в целом незначительно ухудшилось: в мае 1994 г. оно составляло 1,3 раза в пользу позитивных, а в сентябре 2000 г. – 1,2. Резкий провал (в результате дефолта и многократного падения валютного курса рубля) наблюдался лишь в конце 1998-го – первой половине 1999 г., когда негативные оценки превысили позитивные примерно в 2 раза [3, с. 18]. Другой показатель – «запас терпения» (разность между ответами «все не так плохо» + «можно терпеть» и ответом «терпеть невозможно») к сентябрю 2000 г. также достиг примерно того же значения, которое было в мае 1994 г. [2, с. 3]. Естественно, между этими крайними точками был аналогичный провал (в сентябре 1998 г.), а также характерный взлет (в мае 2000 г. в связи с инаугурацией нового президента России).

Второй вывод из данных ВЦИОМ заключается в том, что доля недовольных – как личным материальным положением, так и общим состоянием дел в стране – в целом значительна и *достигает 50%* от числа опрошенных. Такой негативный показатель, как суждение «события ведут нас не туда, в тупик», несмотря на известный всплеск массового оптимизма в связи с избранием нового президента, по-прежнему, как правило, превышает 50% [3, с. 12].

Третий вывод таков: показатель протестного потенциала (доля людей, готовых лично участвовать в забастовках, митингах, демонстрациях, пикетах, голодовках и других акциях протеста) выглядит также вполне стабильным, устойчивым и располагается *на уровне 20–30%* от общего числа респондентов [2, с. 4].

Показатель потенциальной протестной активности в постсоветском российском обществе явно не соответствует уровню социального недовольства. Готовые публично протестовать составляют примерно половину от числа недовольных. Это говорит о том, что столь важные показатели связаны отнюдь не прямо и однозначно, как можно было бы предполагать. Возможно, социальное недовольство, с одной стороны, является не единственным фактором, определяющим готовность людей участвовать в акциях протеста, с другой – находит выход не только в протестной активности.

3. Недовольные политикой и идеологией протестуют, недовольные уровнем жизни ищут дополнительные источники доходов

Согласно опросам Службы VP доля одобряющих и морально поддерживающих различные массовые акции протеста на протяжении 90-х гг. была достаточно постоянной и составляла, как правило, 50%, а доля «потенциальных протестантов» (тех, кто был намерен, готов *лично* участвовать в митингах, демонстрациях, забастовках и т.д.) не превышала 25–30%. Реально же в подобных акциях, судя по полученным ответам, участвовали не более 10% от общего числа опрошенных.

Иными словами, в последние годы в российском обществе сложилась относительно противоречивая и, на первый взгляд, парадоксальная ситуация, когда *стабильно высокая доля недовольных сочетается со сравнительно низкой долей протестующих.* Возможны следующие объяснения: во-первых, социальная неудовлетворенность, как уже отмечалось, может проявляться не только в виде *конфронтационных и деструктивных* по своей природе акций протеста, но и в некоторых формах *компромиссного, социально конструктивного* поведения, например в отдельных видах творчества, учебной деятельности, дополнительной трудовой активности, других способах, так сказать, «социальной сублимации». Во-вторых, социальное недовольство может выражаться не только в *открытых, социально допустимых и приемлемых* формах, но и в виде разного рода *отклоняющегося, девиантного* поведения (аномия, алкоголизм, наркомания, преступность, суицид и т.д.). И в-третьих, резонно предположить, что социальная неудовлетворенность вообще пока *не может найти адекватного выхода*, где-то и как-то накапливается, что в принципе при определенных условиях может привести к так называемому социальному взрыву – неожиданному, неуправляемому, разрушительному «выбросу» негативной социальной энергии. Отсутствие адекватного выхода социального недовольства может объясняться ситуативными причинами как политического свойства (нет организованной оппозиции, массовой политической культуры и т.д.), так и психологического характера (неверие в эффективность протестной активности, недоверие политическим лидерам, надежда на вмешательство государства в решение проблем и т.п.).

Что касается последней гипотезы, то эмпирическая проверка такого толкования в настоящее время нереальна. О том, насколько подтверждается или не подтверждается первая гипотеза, речь пойдет ниже, однако сначала более подробно проанализируем связь социального недовольства и протестного потенциала в обществе.

На наш взгляд, в формировании потенциала протеста важную роль, помимо уровня социального недовольства, играют и такие его характеристики, как: 1) субъект недовольства (кто недоволен?), 2) объект или адресат недовольства (кто вызывает недовольство или кем недовольны?), 3) мотивы, основания недовольства (чем вызвано или почему возникает недовольство?).

Несомненно, массовым основанием социального недовольства в постсоветской России остаются относительно низкий уровень доходов, бывшие широко распространенными ранее задержки с выплатой пенсий, зарплат и другие экономические причины. Они носят, как правило, ситуативный, локальный и корпоративный характер, в результате чего возникающая на их основе социальная неудовлетворенность также отличается временным, ограниченным и неустойчивым характером. В качестве одного из последних примеров можно привести акции протеста (пикеты, митинги, забастовки, голодовки и т.д.), связанные с отключением тепла и электроэнергии в городах Приморья зимой 2000–2001 гг.

В ответах на открытый вопрос «*Кто больше всех повинен в том, что Россия оказалась перед лицом такого множества проблем*?» (ноябрь 1995 г.) 48% сообщили, что это – тогдашнее руководство страны (президент, правительство); 11 – «отцы» перестройки (Горбачев, Яковлев, Шеварнадзе и др.); 7 – сам народ, все люди; 5 – старое коммунистическое руководство страны; 2 – «демократы»; 1 – бюрократы, чиновники; 1 – мафия, преступники; 11 – никто, проблемы возникли объективно; 19% –затруднились ответить.

Как видим, налицо преобладающее осознание ответственности высших руководителей России (Ельцин, Черномырдин и др.) за возникшие и нерешенные проблемы, в первую очередь экономического характера.

Что касается главных субъектов, социальных групп, которые в максимальной степени испытывают недовольство, то они хорошо известны. Это прежде всего работники бюджетных отраслей народного хозяйства, а также пенсионеры и другие категории населения, находящиеся на иждивении государства.

С учетом сказанного можно ожидать, что наибольшую готовность поддержать массовые акции протеста (личным участием или хотя бы морально) должны продемонстрировать именно бюджетники и пенсионеры, указавшие на свое тяжелое материальное положение и возложившие ответственность за это на российские власти. Среди респондентов, участвовавших, например, в ноябрьском опросе Службы VP 1995 г., таких оказалось 261 человек (106 бюджетников и 155 неработающих пенсионеров), что составило 15% от общего числа опрошенных. Насколько эти три фактора (зависимость личных доходов от выплат из госбюджета; неудовлетворительное материальное положение; возложение ответственности на центральную власть, правительство), каждый в отдельности и все вместе, связаны с показателями протестного потенциала, раскрывают данные приводимой таблицы.

Таблица

Ответы на закрытый вопрос «Какие из следующих акций протеста кажутся вам сегодня наиболее допустимыми и приемлемыми**?»**

(ноябрь 1995 г.; % к объему групп респондентов)

Варианты ответов	**Группы респондентов**							
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Никакие акции протеста не приемлемы	32	30	27	29	33	26	26	20
Приемлемы те или иные акции протеста, в том числе:	52	52	58	47	59	57	67	57
письма в органы власти и прессу	9	8	8	10	11	7	10	8

критические выступления на собраниях	8	8	7	7	10	7	9	6
массовые митинги и демонстрации	11	12	13	11	12	13	15	13
забастовки	11	11	12	9	12	11	15	10
финансовая поддержка протестующих	3	2	4	1	5	3	2	1
акты гражданского неповиновения	4	4	3	2	3	4	4	3
голосование на выборах за оппозицию	21	23	25	23	22	26	30	32
вооруженные выступления	4	4	4	3	2	5	5	4
иные акции протеста	6	6	6	4	7	6	8	6
Затруднились ответить	13	15	13	20	7	14	7	20
Отказались отвечать	3	3	2	4	1	3	0	3
Число отвечавших	1754	984	845	351	392	536	106	155

Группы респондентов: (1) – опрошенные в целом; (2) – указали на плохое, трудное материальное положение семьи; (3) – считают, что в этом виновато руководство страны, правительство; (4) – неработающие пенсионеры; (5) – бюджетники; (6) = (2) + (3); (7) = (2) + (3) + (5); (8) = (2) + (3) + (4).

Как видим, высказанное предположение в основном подтверждается. Хотя влияние таких факторов, как тяжелое материальное положение и возложение ответственности за это на высшую российскую власть, невелико, достаточно действенной переменной оказалась принадлежность к социальным группам бюджетников и неработающих пенсионеров. Следует, однако, заметить, что последний фактор «работает» не настолько сильно, чтобы полностью все объяснить. Судя по ответам, большинство (68–70%) материально бедствующих и одновременно «сознательных» (в терминологии марскистско-ленинской теории) бюджетников и пенсионеров считали неприемлемым для себя даже такой способ выражения недовольства, как голосование на выборах за политическую оппозицию. Более того, доля готовых поддержать на выборах в Госдуму (конец 1995 г.) проправительственное

движение НДР среди представителей этих групп оказалась даже выше, чем доля сторонников главной оппозиционной силы – КПРФ. Следовательно, в совокупности фактор социального недовольства определяет показатели потенциала протеста не на 100%.

Аналогичные результаты получены и в опросах ВЦИОМ [1, с. 8]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «КПД» социального недовольства (в смысле его выхода в виде готовности участвовать в акциях протеста), как у паровоза (!) – не превышает 50% (в марте 1997 г. из тех, кто больше «не мог терпеть», выразили готовность протестовать только 46%).

В этой связи вызывает удивление не столько то, что значительная часть людей, находясь в трудном и даже отчаянном материальном положении, не готова выразить свое недовольство в форме протеста, сколько то, что около 40% потенциальных и реальных «протестантов» – те, кто живет сравнительно неплохо, в относительном достатке. *В массовых акциях протеста склонны участвовать скорее не те, кто ущемлен, а те, кому,* как говорится*, «за державу обидно».* Основную силу «протестантов» составляют обеспокоенные в первую очередь решением проблем политического и идеологического характера.

Главным же способом решения личных материальных проблем в условиях кризисного, переходного общества люди считают не участие в акциях протеста, а поиск дополнительных заработков и других источников доходов. Это подтверждают ответы на вопрос *«Какой способ поведения в случае длительной невыплаты зарплаты, пенсий, стипендий и т.п. вам кажется наиболее верным?»* (ноябрь-декабрь 1992 г.): найти дополнительные заработки – 49%, влезть в долги – 21, принять участие в акциях протеста – 13, другие способы – 3, затруднились ответить – 14%.

Получается, что политико-идеологическое по своей природе недовольство проявляется чаще в склонности к участию в конфронтационных акциях протеста, а недовольство, имеющее экономическую, материальную природу, в первую очередь находит выход в конструктивных социальных действиях. Разумеется, в эмпирической реальности аккуратно провести разделение двух типов социального недовольства

(имеющего материально-экономическое и политико-идеологическое происхождение) довольно сложно, однако его можно проследить в виде тенденции и корреляции различных признаков.

Важным обстоятельством представляется то, что носителями указанных типов социального недовольства во многом оказываются представители разных социально-демографических групп. По данным Службы VP за июль 1995 г., удалось выделить две примерно равные по численности и непересекающиеся группы респондентов: озабоченных исключительно экономическими (734 человека из 1998 опрошенных) и обеспокоенных сугубо политико-идеологическими (708 человека) проблемами. Особенностью первой группы (экономическое недовольство) оказалось относительное преобладание в ней: женщин (65%), лиц без высшего и среднего специального образования (57%), промышленных и сельскохозяйственных рабочих (50%), жителей малых городов и сельской местности (60%). Соответственно вторую группу (политико-идеологическое недовольство) в основном составили: мужчины (51%), лица с высшим и средним специальным образованием (72%), служащие, специалисты и руководители (64%), жители крупных и средних городов (56%).

В данном случае важно подчеркнуть, что характер, природа социального недовольства выступает еще одним важным основанием социальной дифференциации российского общества. *Недовольные политикой, идеологией власти и одновременно удовлетворенные своими материально-экономическими условиями, как правило, не склонны солидаризироваться с теми, кто недоволен низким уровнем жизни*. И наоборот.

4. Основные выводы

В общем, материальными, экономическими условиями не удовлетворены прежде всего те, у кого более низкий адаптационный потенциал, а политико-идеологическое недовольство выражают, скорее, люди, у которых относительно больше возможностей для адаптации к изменившимся условиям жизни. Тогда выстраиваются две закономерности: 1) менее адаптированные группы сильнее испытывают недовольство экономическими условиями жизни и реже склонны к участию в акциях протеста; 2)

более адаптированные группы, наоборот, чаще не удовлетворены политико-идеологическими реалиями и, скорее, склонны к протестной активности.

Можно ли на этом основании сделать вывод, что сравнительно низкий (а по многим данным, имеющий тенденцию к дальнейшему снижению) уровень протестной активности говорит об относительно успешной адаптации основной массы населения к новым условиям жизни? Скорее нет, поскольку представленные результаты исследований фиксируют *прямую* связь между адаптационными возможностями людей и их протестным потенциалом. Низкий уровень протестной активности объясняется, возможно, тем, что поскольку большинство живет в неудовлетворительных экономических условиях, люди вынуждены решать свои материальные проблемы, не прибегая к малоэффективным или вовсе неэффективным в данном случае акциям протеста. Это свидетельствует, на наш взгляд, о достаточно высокой степени рациональности и практичности в поведении нынешних россиян – вопреки известным стереотипным представлениям о «русском национальном характере», «таинственной русской душе», «особой духовности россиян» и т.д.

Но вряд ли верно утверждать и обратное, что сравнительно высокий уровень социального недовольства, прежде всего экономическими, материальными условиями жизни, свидетельствует о сохраняющейся дезадаптации значительной части населения к новым рыночным условиям. Социальное недовольство, имеющее экономическое, материальное основание, находит выход не столько в массовых акциях протеста, сколько в дополнительной трудовой активности, служит в числе других факторов своеобразным «мотором» более конструктивного социального поведения.

Каковы же ближайшие перспективы развития протестной активности? Как известно, для первого года правления В. Путина характерны повышенные электоральные ожидания относительно укрепления государства, наведения порядка, усиления борьбы с коррупцией и т.п., а также благоприятная экономическая конъюнктура, связанная с высокими мировыми ценами на экспортируемые Россией энергоносители. Эти факторы способствовали в целом снижению социального недовольства или, по крайней мере, блокировали его рост. До тех пор, пока кремлевская администрация сможет и дальше поддерживать относительно высокий рейтинг главы

государства, а следовательно – высокую степень консолидации общественного мнения по поводу курса развития страны, и к тому же будут продолжаться наметившиеся благоприятные тенденции в российской экономике, у движения массового протеста нет перспектив развития. Если же дела в экономике резко ухудшатся (например, в результате очередного мирового финансового кризиса или национального технического дефолта), а уверенность избирателей в способностях президента вывести страну из кризиса будет поколеблена, нельзя исключить нового всплеска протестной активности, основанием которой станет не только недовольство политикой и идеологией властей, но и осознание того факта, что в условиях ослабленной российской экономики у большинства людей нет (и не может быть) перспектив улучшения собственного материального положения только за счет повышения личной трудовой активности.

Литература

1. Информационный бюллетень мониторинга. ВЦИОМ, 1997. № 3 (29). Май–июнь.

2. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. ВЦИОМ, 2000. № 5 (49).

3. Общественное мнение – 2000: По материалам исследований. ВЦИОМ, 2000. Дек.